

Artykuły, rozprawy

Статьи, публикации

Ольга Н. Астафьева

Российская академия государственной службы при Президенте РФ

Интегративность и междисциплинарность как основа для расширения познавательных стратегий культурологии

*Spójność i międzydyscyplinarność jako podstawa
rozwoju poznawczych strategii kulturoznawstwa*

В структуре современного знания культурология стоит в одном ряду с теми социальными и гуманитарными науками, развитие которых направлено на преодоление собственных дисциплинарных границ, поиск «совместимости» методологий. Какие же новые возможности открываются перед исследователями культуры – многогранного, сверхсложного феномена? Какие «рифмы» предстоит преодолеть культурологам, включающим в свой инструментарий методы, утвердившиеся в философии, социологии, искусствоведении? Способствуют ли интеграционные процессы в науках о культуре формированию культурологии как широкого научного направления, в центре внимания которого находится культура как целостность?

Если рассматривать эти вопросы с позиций научного познания, то многообразии концептуальных подходов, возникающих в социально-гуманитарном пространстве (сфере внимания культурологии), собирается в сложный междисциплинарный комплекс. Преодолевая естественную ограниченность любой методологии или конкретного метода исследования культуры, междисциплинарные связи образуют не только базовую познавательную парадигму культурологии, но и способствуют развитию всех наук, включенных в процесс взаимодействия. Путем интегративного «стягивания» удерживаются контуры когнитивного пространства, открытого для взаимопроникновения и трансформации рациональных алгоритмов, идущих от

культурной и социальной антропологии (и других ее структурных составляющих), ментальных стандартов, сложившихся в философии и истории культуры, лингвистике и искусствоведении и т.д. Принцип междисциплинарности выступает своеобразным мостиком, делающим эти связи реальными, тем самым исключая противопоставление научных подходов и выводя культурологию на уровень трансдисциплинарных стратегий. В свою очередь, опора на подобные методологические основания приводит к смысловым интерпретациям культуры, от которых зависит результат культурологических исследований в целом. Трансдисциплинарность, как прохождение «сквозь» традиционные дисциплинарные границы и когнитивные уровни, основана на признании обоснованности и ценности не только общенаучной логики и рациональных методов в исследовании, но и интуитивных суждений. Обращение к принципам «новой рациональности» позволяет культурологам формировать целостное представление о сложных процессах и явлениях, происходящих в культуре, делать выводы, что «культурология, как она складывается сегодня, все более и более обретает вид метанауки, пытающейся осмыслить мир культуры как единое целое, проясняющей смысл человеческого бытия и историческое предназначение человека»¹. При этом место культурологии в системе научного знания уже не определяется исключительно процессом саморазвития науки, ибо связано с актуализацией новых, практически значимых, задач. Их успешное решение возможно в когнитивных пространствах культурологических – междисциплинарных и трансдисциплинарных – исследований.

Обратим внимание, что социокультурные проблемы (информационный и демографический взрывы, экологический кризис, невиданные ранее социальные потрясения, интенсивная трансформация общественных институтов, социокультурной сферы, в целом, культурантропологические процессы) получают неоднозначную интерпретацию в работах современных исследователей. Разумеется, на осмысление и оценку конкретного явления или события влияет избранная ученым определенная *концептуализация исходных категорий анализа, тип и методы познания*, закрепленные в той или иной научной дисциплине, с позиций которой осуществляется исследование. И именно в силу этой *конкретности* любое исследование культуры всегда частично, нуждается в многомерном видении объекта, философско-культурологическом осмыслении его субъектом как целостного. Повторим, сложность познания такого объекта, как культура, проведение опережающей социокультурной диагностики процессов, в ней происходящих, *предопределяет выход за границы* монодисциплинарного подхода, использование понятийного аппарата и методологического инструмен-

¹ Шендрик А.И. Культура в мире: драма бытия. – М., 2007. С. 36.

тария междисциплинарных исследовательских программ, а значит – *нацеленности исследователя на коммуникативную стратегию*.

В настоящее время в культурологии ясно прослеживаются два базовых уровня – теоретический и предметный, что характеризует культурологию, как научное знание. Если говорить о теоретической культурологии, то ученые, работающие в этой области, изучают системные связи между различными сферами действительности в ее отношении к человеку. Этот уровень культурологии задается универсальными общесистемными связями². И в этом смысле теоретическая культурология, подчеркивается другими исследователями, выступает «не в качестве экстенсивно распространяющегося познания культуры как внешнего объекта, но как изыскание форм исследовательской работы, отвечающих актуальным вызовам современности»³. Также отмечается важность *поиска форм культуры*, позволяющих «выстроить и защитить внутреннее пространство людей, которые непрерывно подвергаются агрессивному давлению современного образа жизни»⁴.

Заявляемая широта предметной сферы, постановка и решение множества актуальных проблем в культурологии *предопределяют сопряжение ее фундаментального и практического уровня*, обосновывая закономерность появления различных направлений культурологии – социально-научного, гуманитарного и прикладного направления. В большей или меньшей степени они основываются на междисциплинарных стратегиях, что выражается в обращении к синтетическому, системному и/или системно-синергетическому подходу, тем самым включая культурологию в структуру современного постнеклассического научного знания. Поэтому культурологам приходится решать сложные методологические проблемы, связанные не только с интеграцией методов социальных и гуманитарных наук, но и с перенесением сложившихся в ходе развития точных наук методов на социально-гуманитарную сферу. Преодолению механического копирования подходов способствует философская рефлексия. Именно удерживаемый философский уровень в работах культурологов позволяет им выявить особенности применения принципов, работающих не только в социально-гуманитарной сфере, но даже и в естественнонаучной, считает М.С. Каган⁵.

² См.: Пелипенко А.А. Оправдание культурологии // Личность. Культура. Общество. 2004. Том.4. Вып. 3 (23). С. 87.

³ Румянцев О.К., Шеманов А.Ю. Введение: между классической философией культуры и постмодернистской культурологией // Теоретическая культурология. – М.: Академический проект, Екатеринбург, Деловая книга, Москва, РИК, 2005. С. 11.

⁴ Румянцев О.К., Шеманов А.Ю. Введение: между классической философией культуры и постмодернистской культурологией // Теоретическая культурология. – М.: Академический проект, Екатеринбург, Деловая книга, Москва, РИК, 2005. С. 11.

⁵ См.: Каган М.С. Взаимоотношение наук, искусства и философии как историко-культурная проблема // Гуманитарий. Ежегодник. № 1. – СПб., 1995. С. 21.

Это соответствует вектору эволюции современного научного знания, о чем свидетельствует разнонаправленность процессов взаимодействия, закономерность обратных влияний. Исследователи обращают внимание, что, к примеру, такой «традиционно-гуманитарный способ видения предмета исследования, как понимание, проник в естествознание, характеризуя его гуманитаризацию (...). Понимание является способом содержательной трактовки научных абстракций, ибо теоретические конструкции в развитом знании абстрактны, оторваны от мира и существуют в системе математических и теоретических аргументаций, и поэтому придание им смысла и есть гуманитарная забота о сохранении человеческого мира даже в естествознании»⁶.

В свою очередь, сложная система междисциплинарных взаимодействий, интегративность культурологии связана с познанием социокультурных объектов, гораздо более сложных, в сравнении с природными и техническими объектами. Вообще, считает Э.А. Орлова, восстановить культуру как целое, сегодня невозможно без культурологических построений, включающих представления о закономерном характере культурных феноменов и наблюдение устойчивых характеристик культуры. Однако, по ее мнению, проблемное поле культурологии определяется границами применимости ее суждений, которые, по сравнению с философскими, опираются на наименее отрефлексированные метафизические допущения⁷. И это достаточно верное замечание относительно культурологии как становящегося знания. Но относится ли оно к «недостаткам» культурологии?

Общеизвестно, что предметное знание, с одной стороны, само несет на себе методологическую нагрузку и в значительной мере определяет направление исследовательского поиска. С другой стороны, представления об ограниченности дисциплинарных подходов к анализу культурных феноменов и современных социокультурных процессов также не лишены оснований, ибо для их познания невозможно найти соответствующий – единственно верный – метод из инструментария, сложившегося и устоявшегося в конкретной науке. В значительной степени этим объясняется многообразие и несовпадение теоретических объяснений, имеющих место в науках о культуре, а также необходимость диалога внутри самой культурологии, между интегрируемыми ею знаниевыми ресурсами. Из сказанного не следует вывод о некой «ущербности» дисциплинарного подхода. Потенциал автономности по отношению к общему потенциалу взаимодействующих дисциплин – это показатель стабильности и/или изменчивости

⁶ См.: Федотова В.Г. Основные исследовательские программы социально-гуманитарных наук // Федотова В.Г. Анархия и порядок. – М., 2000. С. 135.

⁷ См.: Орлова Э.А. Основания специализированного познания культурных феноменов // От философии жизни к философии культуры. – СПб., 2001. С. 62.

объекта. Для решения конкретных исследовательских задач допустимо ограничение рамками традиционных мыслительных конструкций, соответствующих конкретно выбранной программе. Однако динамика социокультурных процессов увеличивает это отношение.

Многими исследователями признается, что обращение к таким объектам, как человек, культура, общество, природа предполагает в рамках отдельных дисциплин решение только определенной части задачи. Возможность постижения объекта во всей полноте и целостности у исследователя при таком подходе практически отсутствует, приводит к «выпячиванию» отдельных сторон культуры, вне учета ее включенности в сложные системные взаимосвязи. Признание культуры не частным явлением, а ценностно-нормативной системой, регулирующей и определяющей всякую социальную практику, синтезирующей все виды деятельности человека, формирует специфический предмет научного знания о культуре. Тем самым предопределяется как его сложность и многосоставность, так и создаются основания для выделения интегративного по своему характеру культурологического знания, – считают Е.Я. Александрова и И.М. Быховская⁸. Подобная позиция разделяется и другими исследователями, полагающими, что «богатство проблемного и научного спектров культурологии свидетельствует не только о разнообразии научных форм, в которые может облекаться культурологическая мысль, но и о взаимодополнительности ее различных аспектов, складывающихся в своей совокупности в единую комплексную дисциплину – *знание о культуре* как многогранном и многомерном явлении»⁹.

Обобщенное проблемное поле междисциплинарных исследований культуры позволяет рассматривать строение и функционирование культуры в связи с социальными структурами и институтами применительно к конкретно-историческим ситуациям. Формирующееся именно как особое междисциплинарное направление, в рамках которого *проблемы* обуславливают обращение к определенной методологии и аналитическому аппарату разных дисциплин (социологии культуры, культурной и социальной антропологии, философии, психологии, истории культуры), культурология «собирает» культурную реальность, «разбросанную» по проблемным областям социальнoгуманитарного знания, онтологизируя культуру как целостность¹⁰. В частности, сложнейшие проблемы, связанные с выяв-

⁸ См.: Александрова Е.Я., Быховская И.М. Культурологические опыты. – М., 1998. С. 30–31.

⁹ Запесоцкий А.С., Марков А.П. Становление культурологической парадигмы. – СПб: Изд-во СПбГУП, 2007. С. 9 (Дискуссионный клуб Университета. Вып. 10).

¹⁰ Запесоцкий А.С., Марков А.П. Становление культурологической парадигмы. – СПб: Изд-во СПбГУП, 2007. С. 8 (Дискуссионный клуб Университета. Вып. 10).

лением социокультурных закономерностей и динамики социокультурных изменений, с анализом современного мира культуры затрудняют соблюдение монометодологичности исследования, а в иных случаях – делают его невозможным. Заметим, однако, предполагают наличие определенных теоретических оснований концептуализации, которые исходят от смысловой трактовки понятия «культуры». И это не простое требование, ибо определение культуры – это, «по сути дела, не определение слова, а определение той реальности, которая обретает специфику человеческого бытия. Разные определения культуры формулировки разных представлений об этой реальности»¹¹, – отмечает А.С. Кармин.

В понимании культурологии как широкого научного направления, задающего разного рода исследованиям о культуре особый культурологический взгляд¹², также очевидны выходы к трансдисциплинарности. Соответственно, открытость для взаимодействия не является показателем «смешения методов и решений», выводящих культурологию в маргинальные пространства «между» науками в структуре современного знания, но способствует формированию сложного когнитивно-коммуникативного пространства культурологии. Приближает ли это культурологов к познанию культуры как целостности?

В определенной степени, конечно. Во-первых, интегративность и междисциплинарность (в ряде случаев и трансдисциплинарность) предполагают отказ от принципа «чистоты метода», что противоречит установившемуся делению познавательных методологий исключительно на философские, гуманитарные и научные, определяющие разные исследовательские позиции. Разумеется, в чистом виде, познание культурных феноменов возможно в сложившейся типологии, где каждый из познавательных типов имеет исходные метафизические, онтологические и методологические основания: философского познания (допущения носят характер «интуитивной достоверности»), суждения представлены в качестве «закономерностей»); гуманитарных построений (допущения могут быть «эмпирически очевидными», но обеспечивающими систематизацию описания событий и объектов), научное познание (соотношение с реальностью обязательно, «проверяемое прогнозирование»)¹³. Если строго придерживаться этой схе-

¹¹ Кармин А.С. На путях к теории культуры // Журнал «Личность. Культура. Общество». 2007. Том IX. Спец. вып. 1 (35). С. 17.

¹² См.: Лисаковский И.Н. Культурология: воздействия слабые и сильные... // Социокультурное пространство: структуры и процессы. – М., 1996. С. 3–11; Культура XX: Научно-образовательный альманах Института Европейских культур / Отв.ред. Д.П.Бак. – М.: РГГУ, 2000. Раздел: культурология: статус, границы, проблемы преподавания: Статьи и материалы дискуссии в ИЕК по результатам курса Г. Зверевой, и др.

¹³ См.: Орлова Э.А. Основания специализированного познания культурных феноменов // От философии жизни к философии культуры. – СПб., 2001. С. 62.

мы и не учитывать принципов новой научной рациональности, о которых мы говорили выше, то тогда положение культурологии в системе научного знания сохраняет свою неоднозначность. Можно ли согласиться с подобными утверждениями? Насколько они непротиворечивы? Ведь если вложение научного обобщения в область философских суждений рассматривать как неверное методологическое решение (тем самым исключая основания для интеграции), но как такой подход может сочетаться с признанием ограниченности любого из существующих типов познания, не являющегося источником абсолютного знания, ибо каждый из них отличается условностью, относительностью и ограниченностью?¹⁴

На наш взгляд, современному этапу развития наук о культуре соответствует методологическая позиция, отражающая тяготение современного социального и гуманитарного знания к интегативности и междисциплинарности. В качестве убедительного примера выступает современная философия, не избежавшая включения научных элементов структурной лингвистики, семиотики, психоанализа в процесс познания культурных феноменов. Особо следует сказать об отечественной филологической традиции, в недрах которой уже давно вызревали культурологические обобщения, присутствовал широкий взгляд на динамику культуры через призму литературной подачи реального бытия культуры и бытия человека в культуре.

В сближении гуманитарного и социологического знания ими видятся перспективы приближения обществензнания к жизни и его гуманитаризация, одновременно они связываются с применением культур-центристской и натуралистических стратегий. Отметим, появление культур-центристской программы имело принципиальное значение, так как поколебало принцип классической научности и способствовало ее переходу в неклассическую стадию. В науках об обществе, подчеркивает В.Г. Федотова, задача постижения гуманитарной адекватности чрезвычайно важна¹⁵. Наряду с обращением к синтетической методологии¹⁶, междисциплинарные связи позволяют преодолевать жесткие границы и ограничения познавательных стратегий.

Отсюда и недопустимость монополии одной, даже очень обоснованной, авторитетной теоретической платформы, но и право любой культур-

¹⁴ См.: Орлова Э.А. Основания специализированного познания культурных феноменов // От философии жизни к философии культуры. – СПб., 2001. С. 62.

¹⁵ См.: Федотова В.Г. Основные исследовательские программы социально-гуманитарных наук // Анархия и порядок. – М., 2000. С. 135–140.

¹⁶ См.: Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: Синергетика и теория социальной самоорганизации. – СПб., 1999; Гирусов Э.В. Новый синтез наук и образовательный процесс // Синергетика и учебный процесс. – М., 1999; и др.

но-исторической позиции на свою точку зрения¹⁷: следование линии на замкнутость методологического пространства, сложившейся в конкретной науке, или ориентация на открытость, необходимые для решения сложных познавательных задач.

По-нашему мнению, принцип открытости более соответствует современному пониманию целей научно-теоретического знания и его возможностям в познании социокультурных процессов. В тех концепциях культуры, где культурология рассматривается как наука о смыслах (так как законы смыслообразования и оформления, закрепления и трансляции смыслов есть первичное основание бесчисленных феноменов – предметных и идеальных, образующих культурный универсум), логическая конструкция выстраивается на признании того, что культура как феномен «обречена на системность», если, конечно, культурология не желает замыкаться в сфере частных межпредметных наблюдений¹⁸.

Таким образом, речь идет о создании коммуникативного пространства между группами общенаучных (формирующихся вокруг эмпирико-индуктивного метода – метода проб и ошибок, элиминаций) и общефилософских гуманитарных методологий (формирующихся вокруг аксиоматическо-дедуктивного – метода мыслительного конструирования). Плодотворность взаимодействия очевидна, так как *примиряет философское осмысление и социально-культурологическое объяснение культуры* как феномена в рамках одного исследования. Междисциплинарность выступает базовым принципом, позволяющим изучать не только отдельные явления культуры, но и постичь культуру как «сложную полицелостность», как специфическую функцию и модальность человеческого бытия, вобрав смысл множества разнообразных интерпретаций ее сущности.

Междисциплинарный характер современных научных исследований о культуре позволяет считать, что междисциплинарность не тождественна комплексности, ибо это не суммирование разных подходов. Междисциплинарность – *принцип коммуницирования исследователей на дисциплинарных границах, пытающихся решить проблему, модифицируя, транслируя и погружая ее в познавательное пространство взаимодействующих дисциплин*. Как правило, сложнейшую проблему, которая не познаваема как совокупность частных задач. Именно поэтому размышления о трансдисциплинарности культурологии как науки о целостности культуры представляются нам обоснованными, хотя и требующими дальнейшего развертывания.

¹⁷ См.: Розин В. М. Что такое событие? (Анализ условий философского дискурса) // Событие и смысл: Синергетический опыт языка. – М., 1999. С. 272.

¹⁸ См.: Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. – М., 1998. С. 9.

Коммуникативная стратегия, получающая широкое распространение в современном социальном и гуманитарном знании, направлена на поиск эффективных методологических решений и способствует разработке интегративных подходов, формированию пространства междисциплинарного взаимодействия. Сколь несомненны позитивные эффекты этого процесса, столь же очевидно и обострение противоречий, связанных с проблемами «пересечения дисциплинарных полей», «переноса и заимствований», «нарушения границ и трансграничности», «формирования метаязыка» и т.д.

Несмотря на это, тенденция к преодолению «непримиримых» позиций в когнитивном пространстве культурологических исследований проявляется все отчетливее, рассматривается как поиск альтернативных концептуализаций в теоретическом знании о культуре. Одновременно культурологическое знание, на наш взгляд, оказывается более инновационным в ряду социально-гуманитарных дисциплин, отстаивающих «неприкосновенность» своих дисциплинарных границ, но одновременно и более уязвимым в силу обращения к феномену культуры, междисциплинарная сущность которого обуславливается его сложностью и многогранностью.

В сложившихся направлениях культурологического знания – гуманитарно-культуроведческом, социально-культурологическом и прикладном культурологическом – междисциплинарность не мешает сохранению исходной исследовательской позиции, так как концентрируется вокруг определенной познавательной доминанты. Если в гуманитарной культурологии в основном используются описательно-интерпретативные методы исследования культуры, то в социальной культурологии преобладают рационально-объяснительные методы познания феноменов культуры и процессов их становления. Огромный массив эмпирического и фактологического материала, реальные процессы общественной жизни – проблемы управления в сфере культуры и регуляция социокультурных процессов на федеральном и региональном уровнях, социокультурное прогнозирование и проектирование, культуроохранная деятельность, а также вопросы культурной политики и функционирования культурных институтов, культурологизации образования, социализации и инкультурации личности, музейное дело и т.д. рассматриваются в рамках прикладного направления культурологии. Будучи научным методом познания, культурологический анализ этих процессов исключает описательность и неинформативность, опираясь на смысловую характеристику культурных явлений и событий путем типологизации, сопоставлений и выявления общих закономерностей.

На протяжении двух последних десятилетий позиционирование культурологии как интегративного и междисциплинарного направления вызвало дискуссии о правомерности постановки вопроса относительно научной строгости культурологического знания, достоверности и проверяемости

ти результатов исследований, об «исследовательской субъективности» в рамках культурологических текстов, об отсутствии собственного категориального аппарата и методологического инструментария и др.

Ставя вопрос в одной из культурологических дискуссий о том, являются ли строгость и точность синонимами науки, М.С. Каган отвечал на него другим вопросом: «А не согласитесь ли вы, что различие между ними состоит в том, что строгость – это понятие логики, а точность – понятие гносеологии? То есть точность определяется соответствием познаваемому предмету, а строгость – характером мышления»¹⁹.

Достоверность результатов культурологического исследования – одна из сложных проблем научного познания. Подчеркнем, прежде всего для гуманитарного типа культурологического исследования. Дело в том, что в этом случае междисциплинарность выступает не как отклонение от нормы или переходное состояние на пути к новому типу дисциплинарности. Согласно утверждениям И.Т. Касавина, «*междисциплинарное* (не предполагающее при этом жестких границ, каждой вовлеченной дисциплины) *взаимодействие* есть естественное состояние науки, предельным случаем которого являются относительно строгие дисциплинарные структуры, границы которых задаются не столько системами знания, сколько институциональными формами», что «порождает ряд методологических подходов и программ на стыке формирующихся дисциплин», не лишенных внутренней дискуссионности²⁰.

Поэтому, на наш взгляд, критика культурологов за их стремление к согласованию разных исследовательских практик связана с отождествлением междисциплинарных стратегий как синтетических стратегий в научном познании. На этапе становления культурологии как науки, действительно, имело место слабое различие направленности познавательного процесса в рамках культурологических исследований – их направленности либо на «синтез», либо на «интегративность». Более того, имели место не только смысловые расхождения в категориальном аппарате, но и языковые игры, позволяющие отождествлять «культурологический синтез» и «культурный синтез», получающий позитивное наполнение при условии сохранения конкуренции «когнитивных и дискурсивных практик» при их общей направленности на интеграцию итогов коммуникации²¹.

¹⁹ О строгости культурологического знания: Материалы круглого стола. Первые Гумбольтовские чтения (Из выступления М.С. Кагана) // Культурологические чтения: Научно-теоретический альманах. Вып. I. СПб.: Изд-ние СПб-кого университета, 2005. С. 144.

²⁰ Касавин И.Т. Философия познания и идея междисциплинарности // Эпистемология и философия науки. 2004. Т. II. №2. С. 7.

²¹ См.: Касавин И.Т. Философия познания и идея междисциплинарности // Эпистемология и философия науки. 2004. Т. II. №2. С. 12.

Нужна ли подобная интеграция современной культурологии? Нами не исключается возможность положительного ответа на этот вопрос уже в ближайшее время, когда окончательно сложится дисциплинарный тезаурус, который в случае с культурологией формируется в процессе коммуникации с другими дисциплинами. Многообразие языков культуры выступает терминологическим ресурсом культурологии, требующим, однако, в рамках научного знания категориальной и терминологической точности. Тем более, что на границах дисциплин культурологическая терминология, взаимодействуя с языками других дисциплин, обнаруживает смысловую избыточность. Свободные от «догм» универсализации, культурологические дискурсы не упрощают и не усложняют познавательную ситуацию (это один из стереотипов, достаточно часто используемых оппонентами), они в большей степени *индивидуализируют ее*.

Конечно, в ряде случаев трудно согласиться и тем более признать правомерность этой новой ситуации, когда метафоры, метонимии, синекдохи, ирония и другие тропы, наглядно-чувственные приемы аргументации доминируют в рациональности гуманитарного типа. Когда «в конкретной культурологической дисциплине приоритетом пользуются субъективные восприятия, знания, оценки, зачастую лишённые экспериментальных свидетельств и строгого теоретического доказательства». При этом еще и не считается с тем, что «принимаемые людьми культурологические решения и их реализация зависят не столько от жизненных обстоятельств, сколько от представлений или мнений о них, сформировавшихся или сложившихся у людей»²².

Разумеется, исследователи культуры понимают, что они в очередной раз оказались лицом к лицу перед трудно разрешимой дилеммой и им необходимо вновь искать ответ на вопрос: не разрушит ли процесс культурологического познания обращение к принципам научной аргументации и поиски строгих доказательств, то есть не лишится ли этот процесс характерной для него объективности, переданной через его субъективную специфичность?

Думается, уместным в этой связи будет обращение к идеям П. Риккерта о различении наук о природе и наук о культуре по применяемым методам – генерализирующим и индивидуализирующим. Ведь именно благодаря этому ему удалось придти к выводу о возможности *сохранить научность в изучении истории*, не игнорируя при этом ее ценностной природы и с учетом фундаментальных проблем значения. Концепция интерпре-

²² О строгости культурологического знания: Материалы круглого стола. Первые Гумбольтовские чтения (Из выступления Ю.М. Шилкова) // Культурологические чтения: Научно-теоретический альманах. Вып. I. – СПб.: Изд-ние СПб-кого университета, 2005. С. 155–157.

тации, развиваемая М.Вебером, также предполагает включение ценностных аспектов в познание культуры. Надо полагать, что истоки междисциплинарности и интегративности вызревали через включение культуры в ткань исторического процесса, когда через культуру, обеспечивающую глубокое погружение в мир психологии людей и народов, стало возможным показать действие механизмов истории, раскрыть сокровенные тайны человеческого бытия, приоткрыть завесу над совокупным творчеством человеческого рода²³.

Существует и еще один аргумент в пользу интеративности культурологического знания. Речь идет о возможности культурологии обращаться к анализу повседневности, вскрывая пласты человеческого опыта, телесность и образы, не поддающиеся строго научному описанию. Общеизвестно, что повседневность поддерживается специфичностью знаковых систем и кодов, наглядность которых обеспечивает *понимание*, тем самым подтверждая полезность опыта, постижение смысла которого предполагает, как внимание к деталям, так и широту культурологических обобщений.

В настоящее время можно выделить основные познавательные стратегии культурологических исследований, имеющие в интегративной структуре культурологии свою «предметную» доминанту: а) *теория культуры*, или теоретическое моделирование явлений и процессов, основанное на обобщении и типизации результатов предыдущих научнотеоретических изысканий в области культуры, конкретных эмпирических данных, результатов наблюдений и экспериментов, социологических опросов и т.д.; б) *философско-культурологическая рефлексия* на недостаточно исследованные или новые явления и процессы в разных сферах культуры (экономической, политической и т.д.), по поводу отдельных событий или данных в широкой исторической панораме социокультурных процессах; *прикладные исследования*, направленные на решение конкретных задач социокультурной практики и культурной политики; *культурологический дискурс* как особый способ постановки и обсуждения социокультурных проблем; *«cultural studies»* как особый тип анализа и описания культурологических (в трактовке междисциплинарности) проблем, связанных с динамикой процессов, происходящих в разных областях культуры и на разных ее уровнях.

Таким образом, широта культурологических стратегий, подходов и решений позволяет исследователям обращаться как к общим и частным вопросам, так и к познанию феномена культуры в ее целостности. Решение этой центральной задачи в культурологии связывается с преодолением фундаментальных методологических и онтологических проблем. Признание бытия культуры как постоянно обновляющейся, креативной, стано-

²³ См.: Гуревич П.С. Культурология и философия культуры // Личность. Культура. Общество. ,2004. Том VI. Вып 3 (23). С. 75.

вящейся, созидательной сущности показывает, что *познание культуры в рамках позитивистских методологий, основанных только на принципах рациональности, не раскрывает культуру в множественности ее единства*. Интегративность и междисциплинарность как концептуальные основания культурологического знания приближают исследователей к раскрытию полицелостности этого феномена.

Analiza procesu integracji przeprowadzona w naukach o kulturze ukazuje rozwój teorii kultury w Rosji w perspektywie szerokiej orientacji, którą tworzy złożony interdyscyplinarny kompleks. Badacze opowiadają się za strategią komunikatywną. Otwartość form budująca poznawczo-komunikatywną przestrzeń dla teorii kultury, prowadzi ku interdyscyplinarności. Interdyscyplinarność – zasada komunikacji dla badaczy, określa rozwiązania problemu przez włączenie go do poznawczej przestrzeni interaktywnych dyscyplin.

Autorka wskazuje na zasadnicze strategie badaczy kultury: a) teorię kultury; b) filozoficzno-kulturową refleksję; c) studia stosowane; d) kulturowy dyskurs; e) „studia kulturowe”. Różnorodność kulturowych strategii prowadzi, tak w problemach ogólnych, jak i szczegółowych, do ujęcia fenomenu kultury w jej integralności i złożoności.

Integration processes in studies about cultures provide developing the theory of culture in Russia as wide orientation of science that constituent complicated interdisciplinary complex. Thus researchers aiming communicative strategy. Openness forms complicated cognitive-communicative space for the theory of culture providing way out towards transdisciplinary. Interdisciplinary – principle of communication among researches in disciplinary limits that try to solve the problem through modification transmitting and immerse into cognitive space of interacting disciplines.

Author emphasizes main strategies for cultural researches: a) the theory of culture; b) philosophy-cultural reflection; c) application studies; d) cultural discourse; e) “cultural studies”. Diversity of cultural strategies provides scientists research both general and particular issues same as learning the phenomenon of culture in its integrity and complexity.